



# Сунь-цзы Искусство войны

*Издательский текст*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=144250](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144250)  
*Искусство войны: Центрполиграф; М.; 2011*  
*ISBN 978-5-227-03046-7*

## **Аннотация**

Перед вами – древнейший из известных человечеству трактатов о военном искусстве и его философии, своеобразная Библия стратегии, написанная более двух тысяч лет назад китайским стратегом, воином и философом Сунь-Цзы. Он в краткой и сжатой форме излагает основные принципы ведения войны и подготовки к ней.

«Искусство войны» – это сплав философии, искусства и науки ведения войны. Эта книга не только кладезь военной мудрости, но и практическое руководство по тактике и стратегии военных действий.

## Содержание

Предисловие переводчика	4
Сунь-цзы и текст	5
Основные концепции «Искусства войны»	9
Глава I[1]	12
Глава II	14
Глава III	16
Глава IV	18
Глава V	20
Глава VI	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# Сунь-цзы Искусство войны

## Предисловие переводчика

Из всех «Семи военных канонов» «Военная стратегия» Сунь-цзы, традиционно известная как «Искусство войны», получила наибольшее распространение на Западе. Впервые переведенная французским миссионером около двух столетий назад, она постоянно изучалась и использовалась Наполеоном и, возможно, некоторыми представителями нацистского главнокомандования. В течение двух последних тысячелетий она оставалась самым важным военным трактатом в Азии, где даже простые люди знали ее название. Китайские, японские, корейские военные теоретики и профессиональные солдаты обязательно изучали ее, и многие из стратегий сыграли немаловажную роль в легендарной военной истории Японии начиная с VIII в. Больше тысячи лет концепции книги вызывали непрерывные дискуссии и страстные философские дебаты, приковывая внимание весьма влиятельных в различных областях фигур. Хотя книга много раз переводилась на английский, а переводы Л. Джайлса и С. Гриффита не утратили значения до сих пор, продолжают появляться новые.

## Сунь-цзы и текст

Долго считалось, что «Искусство войны» является древнейшим и наиболее глубоким военным трактатом Китая, а все остальные книги в лучшем случае второразрядными. Традиционалисты приписывали книгу историческому персонажу Сунь-цзы, активная деятельность которого в конце VI в. до н. э., начиная с 512 г. до н. э., зафиксирована в «Ши цзи» и в «Вёснах и Осенях У и Юэ». Согласно им, книга должна датироваться этим временем и содержать теории и военные концепции самого Сунь У. Однако другие ученые, во-первых, определили многочисленные исторические анахронизмы в сохранившемся тексте, как то: термины, события, технологии и философские понятия; во-вторых, подчеркивали отсутствие каких-либо свидетельств (которые должны были быть в «Цзо чжуань» – классической летописи политических событий того времени), подтверждающих стратегическую роль Сунь-цзы в войнах между У и Юэ; и, в-третьих, обращали внимание на расхождение концепции крупномасштабной войны, обсуждаемой в «Искусстве войны», и сражения конца VI в. до н. э., запомнившегося лишь в виде атавизма.

Традиционная интерпретация видит существенное доказательство своей правоты в том, что многочисленные пассажи из «Искусства войны» можно встретить во многих других военных трактатах, что, и это доказано, не могло бы иметь место, не будь текст более ранним. Считается даже, что такое повальное подражание означает, что «Искусство войны» – самый ранний военный трактат, ценившийся выше любой другой работы, устной или письменной. Появление некоторых аналитических концепций, таких как классификация местностей, тоже связывается с Сунь-цзы; далее, их использование составителями «Сыма фа» считается бесспорным доказательством исторической первичности Сунь-цзы, а возможность того, что сам Сунь-цзы исходил из других работ, не принимается во внимание.

Однако, даже если пренебрегать вероятностью более поздних наслоений и изменений, традиционная позиция по-прежнему игнорирует факт более чем двухтысячелетнего ведения боевых действий и существования тактики до 500 г. до н. э. и приписывает фактическое создание стратегии одному Сунь-цзы. Сжатый, часто абстрактный характер его пассажей приводит в свидетельство того, что книга была составлена на раннем этапе развития китайского письма, но можно выдвинуть в равной степени неотразимый аргумент, что столь философски изощренный стиль возможен лишь при наличии опыта боевых сражений и традиции серьезного изучения военной тематики. Базовые концепции и общие пассажи скорее всего говорят в пользу обширной военной традиции и прогрессирующих знаний и опыта, чем в пользу «творения из ничего».

За исключением изжившей себя позиции скептиков, считавших работу поздней подделкой, существует три точки зрения на время создания «Искусства войны». Первая приписывает книгу историческому деятелю Сунь У, полагая, что окончательная редакция была сделана вскоре после его смерти в начале V в. до н. э. Вторая, основывающаяся на самом тексте, приписывает его к середине – второй половине периода «Борющихся царств»; то есть к IV или III вв. до н. э. Третья, также базирующаяся на самом тексте, а также на ранее открытых источниках, помещает его где-то во второй половине V в. до н. э. Едва ли когда-нибудь будет установлена подлинная дата, ибо традиционалисты проявляют исключительную эмоциональность в защите аутентичности Сунь-цзы. Однако вполне вероятно, что такая историческая личность существовала, и сам Сунь У не только служил стратегом и, возможно, командующим, но и составил канву книги, носящей его имя. Затем самое существенное передавалось из поколения в поколение в семье или в школе ближайших учеников, с годами исправляясь и обретая все более широкое распространение. Самый ранний

текст был, возможно, отредактирован знаменитым потомком Сунь-цзы Сунь Бинем, который также широко использовал его учение в своих «Военных методах».

В «Ши цзи» представлены биографии многих выдающихся стратегов и полководцев, включая Сунь-цзы. Однако «Вёсны и Осени У и Юэ» предлагают более интересный вариант:

«На третьем году правления Хэлюй-вана полководцы из У хотели напасть на Чу, но никаких действий не последовало. У Цзысюй и Бо Си говорили друг другу: «Мы готовим воинов и расчеты от имени правителя. Эти стратегии будут выгодны для государства, и поэтому правитель должен напасть на Чу. Но он не отдает приказов и не желает собирать армию. Что мы должны делать?»

Спустя какое-то время правитель царства У спросил У Цзысюя и Бо Си: «Я хочу послать армию. Что вы думаете об этом?» У Цзысюй и Бо Си ответили: «Мы хотели бы получить приказы». Правитель У втайне полагал, что эти двое затаили глубокую ненависть к Чу. Он очень боялся, что эти двое поведут армию только для того, чтобы быть уничтоженными. Он взошел на башню, повернулся лицом к южному ветру и тяжело вздохнул. Спустя какое-то время он вздохнул снова. Никто из министров не понял мыслей правителя. У Цзысюй догадался, что правитель не примет решения, и тогда рекомендовал ему Сунь-цзы.

Сунь-цзы по имени У был родом из царства У. Он преуспел в военной стратегии, но жил вдали от двора, поэтому простые люди не знали о его способностях. У Цзысюй, будучи сведущим, мудрым и проницательным, знал, что Сунь-цзы может проникнуть в ряды врага и уничтожить его. Однажды утром, когда он обсуждал военные дела, он рекомендовал Сунь-цзы семь раз. Правитель У сказал: «Раз вы нашли оправдание, чтобы выдвинуть этого мужа, я хочу видеть его». Он спрашивал Сунь-цзы о военной стратегии и каждый раз, когда тот выкладывал ту или иную часть своей книги, не мог найти достаточных для похвалы слов.

Очень довольный, правитель спросил: «Если возможно, я хотел бы подвергнуть вашу стратегию маленькой проверке». Сунь-цзы сказал: «Это возможно. Мы можем провести проверку с помощью женщин из внутреннего дворца». Правитель сказал: «Согласен». Сунь-цзы сказал: «Пусть две любимые наложницы вашего величества возглавят два подразделения, каждая поведет одно». Он приказал всем тремстам женщинам надеть шлемы и доспехи, нести мечи и щиты и выстроиться. Он обучил их военным правилам, то есть идти вперед, отходить, поворачиваться налево и направо и разворачиваться кругом в соответствии с боем барабана. Он сообщил о запретах и затем приказал: «С первым ударом барабана вы должны все собраться, со вторым ударом наступать с оружием в руках, с третьим построиться в боевой порядок». Тут женщины, прикрыв рот руками, рассмеялись.

Затем Сунь-цзы лично взял в руки палочки и ударил в барабан, отдавая приказания три раза и объясняя их пять раз. Они смеялись, как и прежде. Сунь-цзы понял, что женщины будут продолжать смеяться и не остановятся.

Сунь-цзы был в ярости. Глаза у него были широко открыты, голос подобен рыку тигра, волосы стали дыбом, а завязки шапочки порвались на шее. Он сказал Знатоку законов: «Принесите топоры палача».

[Затем] Сунь-цзы сказал: «Если инструкция не ясна, если разъяснениям и приказам не доверяют, то это вина полководца. Но когда эти инструкции повторены три раза, а приказы объяснены пять раз, а войска по-прежнему не выполняют их, то это вина командиров. Согласно предписаниям военной дисциплины, каково наказание?» Знатор законов сказал: «Обезглавливание!» Тогда Сунь-цзы приказал отрубить головы командирам двух подразделений, то есть двум любимым наложницам правителя.

Правитель У взошел на площадку, чтобы наблюдать, когда двух его любимых наложниц собирались обезглавливать. Он спешно отправил чиновника вниз с приказом: «Я понял, что полководец может управлять войсками. Без этих двух наложниц пища мне будет не в радость. Лучше не обезглавливать их».

Сунь-цзы сказал: «Я уже назначен полководцем. Согласно правилам для полководцев, когда я командую армией, даже если приказы отдаете вы, я могу их не выполнять». [И обезглавил их].

Он снова ударил в барабан, и они двигались налево и направо, вперед и назад, разворачивались кругом согласно предписанным правилам, не смея даже прищуриться. Подразделения молчали, не осмеливаясь взглянуть вокруг. Затем Сунь-цзы доложил правителю У: «Армия уже хорошо повинуется. Я прошу ваше величество взглянуть на них. Когда бы вы ни захотели использовать их, даже заставить пройти через огонь и воду, это не составит трудностей. Их можно использовать для приведения Поднебесной в порядок».

Однако правитель У неожиданно оказался недоволен. Он сказал: «Я знаю, что вы превосходно руководите армией. Даже если благодаря этому я стану гегемоном, места для их обучения не будет. Полководец, пожалуйста, распустите армию и возвращайтесь к себе. Я не желаю продолжать».

Сунь-цзы сказал: «Ваше величество любит только слова, но не может постигнуть смысл». У Цзысуй утешал: «Я слышал, что армия – это неблагодарное дело, и ее нельзя произвольно проверять. Поэтому, если кто-либо формирует армию, но не выступает с карательным походом, военное Дао не проявится. Сейчас, если ваше величество искренне ищет талантливых людей и хочет собрать армию для того, чтобы наказать жестокое царство Чу, стать гегемоном в V Поднебесной и утратить удельных князей, если вы не назначите Сунь-цзы главнокомандующим, кто сможет перейти Хуай, пересечь Сы и пройти тысячу ли, чтобы вступить в сражение?» Тогда правитель У воодушевился. Он приказал бить в барабаны, чтобы собрать штаб армии, созвал войска и напал на Чу. Сунь-цзы взял Чу, убив двух полководцев-перебежчиков: Кай Юя и Чжу Юна».

В биографии, содержащейся в «Ши цзи», дальше говорится, что «на западе он одержал победу над могущественным царством Чу и дошел до Ин. На севере утратил Ци и Цзинь, и его имя стало знаменитым среди удельных князей. Это произошло благодаря силе Сунь-цзы». Некоторые военные историки связывают его имя с последовавшими после 511 г. до н. э. – года первой встречи Сунь-цзы с Хэлюй-ваном – кампаниями против царства Чу, хотя он более ни разу не упоминался письменными источниками как главнокомандующий войсками. По-видимому, Сунь-цзы осознал трудность жизни в постоянно меняющихся, нестабильных политических условиях того времени и проживал в удалении от дел, оставив свой труд и дав тем самым пример последующим поколениям.

Биография в «Ши цзи» еще в одном принципиально отличается от содержащейся в «Вёснах и Осенях У и Юэ», ибо считает Сунь-цзы уроженцем царства Ци, а не У. Тогда его корни были бы в государстве, где наследие мысли Тай-гуна играло существенную роль, – государстве, изначально находившемся на периферии политического мира Древнего Чжоу, которое тем не менее было знаменито существующим там многообразием взглядов и богатством различных теорий. Поскольку в «Искусстве войны» ясно проглядывают следы даосских концепций и этот трактат является весьма изощренным в философском плане, Сунь-цзы вполне мог быть родом из Ци.





## Основные концепции «Искусства войны»

«Искусство войны» Сунь-цзы, донесенное через века до наших дней, состоит из тринадцати глав различного объема – каждая из которых, очевидно, посвящена конкретной теме. Хотя многие современные китайские военные специалисты продолжают считать работу органическим целым, отмеченным внутренней логикой и развитием сюжетов от начала к концу, родство между предположительно связанными пассажами часто трудно установить, или же таковое просто не существует. Тем не менее основные концепции получают повсеместную и логически выверенную обработку, что говорит в пользу приписывания книги одному человеку или же духовно единой школе.

Военные трактаты, найденные в могиле Линьши ханьской династии, включают в себя вариант «Искусства войны», в основном в традиционной форме, дополненный таким весьма важным материалом, как «Вопросы правителя У». Перевод, предлагаемый ниже, основывается на тщательно откомментированной классической версии, ибо она отражает понимание текста и взгляды на него на протяжении последнего тысячелетия, равно как и те убеждения, на которых правители и военные основывали свои действия в реальной жизни. Традиционный текст был изменен только в тех случаях, когда материалы, найденные в захоронениях, прояснили прежде непонятные пассажи, хотя влияние таких изменений на содержание в целом остается минимальным.

Поскольку «Искусство войны» – исключительно понятный текст, разве что сжатый и иногда загадочный, требуется лишь краткое введение к основным темам.

В то время, когда было создано «Искусство войны», военные действия уже превратились в угрозу существованию практически всех государств. Поэтому Сунь-цзы понимал, что мобилизация народа для войны и введение в действие армии должны осуществляться со всей серьезностью. Его целостный подход к ведению войны глубоко аналитичен, требует тщательной подготовки и формулирования общей стратегии перед началом кампании. Целью всей фундаментальной стратегии должно стать создание условий для того, чтобы население процветало и было довольным, дабы его желание подчиниться правителю не могло быть даже поставлено под сомнение.

Далее, необходимы дипломатические инициативы, хотя военной подготовкой пренебрегать нельзя. Первичной целью должно стать подчинение других государств без вступления в военный конфликт, то есть – идеал полной победы. Всякий раз, когда возможно, следует достигать этого дипломатическим принуждением, разрушением планов и союзов противника, а также срывом его стратегии. Правительство должно прибегать к военному конфликту, только если враг угрожает государству военным нападением или отказывается уступить, не будучи принужден к подчинению силой. Даже при таком выборе целью любой военной кампании должно стать достижение максимальных результатов с минимальным риском и потерями, уменьшение, насколько это возможно, принесенного ущерба и бедствий.

Повсеместно в «Искусстве войны» Сунь-цзы подчеркивает необходимость самоконтроля, настаивая на избегании столкновений, без глубокого анализа ситуации и собственных возможностей. Недопустимы спешка и страх или трусость, а также гнев и ненависть при принятии решений в государстве и при командовании. Армия никогда не должна необдуманно вступать в бой, подталкиваться к войне или собираться без необходимости. Вместо этого необходимо проявлять сдержанность, хотя следует использовать все способы, дабы обеспечить непобедимость армии. Кроме того, нужно избегать некоторых тактических ситуаций и типов местности, а при случае поступать так, чтобы они стали преимуществами.

Затем, особое внимание следует уделить реализации predetermined стратегии кампании и применению соответствующей тактики, чтобы победить противника.

В основе концепции Сунь-цзы лежит управление врагом, создающее возможности легкой победы. Ради этого он составляет классификацию типов местности и их использования; выдвигает различные способы распознавания, управления и ослабления врага; концептуализирует тактическую ситуацию в терминах многочисленных взаимопределяющих элементов; выступает за использование как общепринятых V (чжэн), так и странных (ци) войск для достижения победы. Врага заманивают в ловушки выгодой, его лишают храбрости, ослабляя и изматывая перед атакой; проникают в его ряды войсками, неожиданно собранными в самых уязвимых его местах. Армия должна всегда вести себя активно, даже занимая оборону, чтобы создать и использовать момент тактического преимущества, который обеспечит победу. Избегание столкновения с большими силами свидетельствует не о трусости, а о мудрости, ибо принесение себя в жертву никогда и нигде не является преимуществом.

Основной принцип следующий: «Идти вперед туда, где не ждут; атаковать там, где не подготовились». Этот принцип может быть реализован только благодаря секретности всех действий, полному самоконтролю и железной дисциплине в армии и также «непостижимости». Война – это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использования уловок и хитростей. Когда такой обман хитроумно задуман и эффективно применен, противник не будет знать, где атаковать, какие силы использовать, и, таким образом, будет обречен на фатальные ошибки.

Чтобы быть неизвестным для противника, следует всеми возможными способами искать и добывать сведения о нем, в том числе активно задействовать шпионов. Фундаментальный принцип состоит в том, чтобы никогда не полагаться на добрую волю других или на случайные обстоятельства, но с помощью знаний, активного изучения и оборонительной подготовки обеспечить невозможность внезапной атаки противника или добиться победы простым принуждением.

На протяжении всей книги Сунь-цзы обсуждает важнейшую проблему командования: создание четкой организации, контролирующей дисциплинированные, послушные войска. Существенным элементом предстает дух, известный как ци – важнейшая жизненная энергия. Этот компонент связан с волей и побуждением; когда люди хорошо обучены, соответственным образом накормлены, одеты и экипированы, если их дух воспламенен, они будут яростно сражаться. Однако, если физическое состояние или материальные условия притупили их дух, если в отношениях между командирами и подчиненными крен, если по какой-либо причине люди утратили стимулы, армия будет разбита. Наоборот, командующий должен управлять ситуацией так, чтобы избегать врага, когда он силен духом – как, например, в начале дня, – и использовать любую возможность, когда это состояние ослабевает и войска не желают сражаться, как, например, при возвращении в лагерь. Затянувшаяся война может привести только к истощению сил; поэтому точные расчеты – это необходимое условие гарантированности быстрой реализации стратегии всей кампании. Определенные ситуации, как, например, смертельная местность, где предстоит отчаянная схватка, требуют от армии величайших усилий. Других – ослабляющих и опасных – следует избегать. Награды и наказания создают основу для контроля за состоянием войск, но необходимо прилагать все усилия для поощрения желания сражаться и самоотдачи. Поэтому все вредные влияния, как то предзнаменования и слухи, должны быть устранены.

Наконец, Сунь-цзы искал возможности маневрирования армией и занятия ею такой позиции, где бы ее тактическое преимущество было столь значительно, что воздействие ее атаки, импульс ее «стратегической мощи» (ши) был бы подобен потоку воды, вдруг обрушившегося вниз с вершины горы. Развертывание войск в удобные построения (син); создание желаемого «неравновесия сил» (цюань); сжатие сил на данном направлении, использо-

вание преимуществ местности, стимулирование духовного состояния людей – все должно быть направлено к этой решающей цели.

*Николай Конрад*

## Глава I<sup>1</sup>

### Предварительные расчеты<sup>2</sup>

1. Сунь-цзы сказал: война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять.

2. Поэтому в ее основу кладут<sup>[1]</sup> пять явлений [ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение]<sup>3</sup>

3. Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон. Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя<sup>4</sup>, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений<sup>5</sup>.

Небо – это свет и мрак, холод и жар, это порядок времени<sup>[2]</sup>.

Земля – это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь<sup>[3]</sup>. Полководец – это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость. Закон – это воинский строй, командование и снабжение<sup>6</sup>. Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

4. Поэтому войну взвешивают семью расчетами и таким путем определяют положение. Кто из государей обладает Путем? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены?<sup>[4]</sup> У кого правильно награждают и наказывают?

По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

5. Если полководец станет применять мои расчеты усвоив, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я ухожу от него<sup>[5]</sup>. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их.

---

<sup>1</sup> Некоторые особенно спорные места перевода оговорены в «Примечаниях». Цифры в последующем тексте дают ссылку на соответствующее примечание к данной главе. Напоминаем, кроме того, что почти каждая фраза трактата разъясняется в соответствующей главе «Примечаний».

<sup>2</sup> Ввиду того что в разных изданиях трактата дается различная разбивка на абзацы, часто даже нарушающая единство фразы, переводчик счел себя вправе произвести свою разбивку, исходя из признака законченности той или иной мысли.

<sup>3</sup> Слова, поставленные в переводе здесь и всюду, где следует, в скобки, представляют повторение таких же слов в каком-либо другом месте трактата, причем там они вполне уместны, будучи тесно связаны с общим контекстом, здесь же – явно излишни. Так, например, в данном случае эти слова повторяются несколько ниже – в п. 4, где им по содержанию и надлежит быть.

<sup>4</sup> Слово «шан» можно было бы взять в значении «высшие», «правители». Не делаю этого потому, что в таком значении оно обычно употребляется параллельно со словом «ся» – «низшие», «управляемые»; в данном же контексте слово «шан» противопоставляется слову «минь» – «народ»; обычно же понятию «народ» противопоставляется понятие «государь», «правитель». Поэтому и беру для «шан» не «высшие», не «правительство» и не «правители» – во множественном числе, а в единственном числе – «правитель».

<sup>5</sup> «Вей» беру в смысле глагола «и», как то делает большинство комментаторов (Цао-гун, Ду Ю, Ду Му, Чжан Юй), то есть в смысле «иметь сомнения».

<sup>6</sup> Из всех многочисленных и равнозначных толкований трудных терминов [...] выбираю толкование Мэй Яо-чэня, безусловно, [...] ближе всего находящееся к общему конкретному складу мышления Сунь-цзы и к его стремлению стараться всегда говорить о вещах, ближайшим образом касающихся военного дела. Поэтому и останавливаюсь на таких переводах этих трех понятий: «военный строй», «командование», «снабжение».

6. Мощь – это умение применять тактику<sup>[6]</sup>, сообразуясь с выгодой.

7. Война – это путь обмана<sup>7</sup>. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем сомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны воины, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает.

8. Все это обеспечивает вождю победу; однако наперед преподать ничего нельзя.

9. Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом<sup>[7]</sup>, у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение.



---

<sup>7</sup> Китайское [...] не вполне покрывается русским «обман». Содержание этого китайского понятия охватывает то, что мы передаем словами «обман» и «хитрость». Поэтому и те приемы, которые дальше рекомендует Сунь-цзы, частью относятся к тому, что мы назвали бы обманом, частью к тому, что мы охарактеризовали бы как хитрость. Не желая давать в русском переводе два слова на место одного китайского, останавливаюсь на слове «обман», поскольку и под «хитростью» у нас разумеются не прямые и именно большей частью обманные ходы в достижении своих целей.

## Глава II

### Ведение войны

1. Сунь-цзы сказал: правило ведения войны таково:

2. Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых<sup>[8]</sup>, сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль<sup>[9]</sup>, то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружения – все это составит тысячу золотых в день. Только в таком случае можно поднять стотысячное войско.

3. Если ведут войну и победа затягивается, – оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость – силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле, – средств у государства не хватает.

4. Когда же оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князя<sup>[10]</sup>, воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. Пусть тогда у тебя и будут умные слуги, после этого ничего поделать не сможешь.

5. Поэтому на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискренности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения.

6. Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны.

7. Тот, кто умеет вести войну, два раза набора не производит, три раза провианта не грузит; снаряжение берет из своего государства, провиант же берет у противника. Поэтому у него и хватает пищи для солдат.

8. Во время войны государство беднеет оттого, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет.

9. Те, кто находится поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно.

10. Силы подрываются, средства иссякают, у себя в стране – в домах пусто<sup>[11]</sup>; имущество народа уменьшается на семь десятых; имущество правителя – боевые колесницы поломаны, кони изнурены; шлемы, панцири, луки и стрелы, рогатины и малые щиты, пики и большие щиты, волы и повозки – все это уменьшается на шесть десятых<sup>[12]</sup>.

11. Поэтому умный полководец старается кормиться за счет противника. При этом один фунт пищи противника соответствует двадцати фунтам своей; один пуд отрубей и соломы противника соответствует двадцати пудам своей<sup>[13]</sup>.

12. Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность.



13. Если при сражении на колесницах захватят десять и более колесниц, раздай их в награду тем, кто первый их захватил, и перемени на них знамена. Перемешай эти колесницы со своими и поезжай на них. С солдатами же обращайся хорошо и заботься о них. Это и называется: победить противника и увеличить свою силу<sup>[14]</sup>.

14. Война любит победу и не любит продолжительности.

15. Поэтому полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства.



## Глава III

### Стратегическое нападение

1. Сунь-цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить бригаду противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить батальон противника в целости, на втором месте – разбить его. Наилучшее – сохранить роту противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить взвод противника в целости, на втором месте – разбить его<sup>15]</sup>. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь.

2. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осадить крепости. По правилам осады крепостей такая осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно. Подготовка больших щитов, осадных колесниц, возведение насыпей, заготовка снаряжения требует три месяца; однако полководец, не будучи в состоянии преодолеть свое нетерпение, посылает своих солдат на приступ, словно муравьев; при этом одна треть офицеров и солдат<sup>8</sup> оказывается убитыми, а крепость остается невзятой. Таковы губительные последствия осады.

3. Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной. Поэтому и можно не притупляя оружие иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения<sup>9</sup>.

4. Правило ведения войны гласит: если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон; если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него; если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части; если же силы равны, сумей с ним сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него. Поэтому упорствующие с малыми силами делаются пленниками сильного противника.

5. Полководец для государства все равно что крепление<sup>10</sup> у повозки: если это крепление пригнано плотно, государство непременно бывает сильным; если крепление разошлось, государство непременно бывает слабым.

---

<sup>8</sup> В тексте трактата, приводимом «Камбун тайкэй», воспроизводящем, как сказано в вводной части настоящей работы, циньскую редакцию, стоят иероглифы [...]. Это значит, что речь идет о потерях только офицерского состава. Считая, как это делает большинство комментаторов, это явно нелепым, перевожу это место согласно тексту, приведенному в Тун дянь, где дается [...].

<sup>9</sup> Слово «моу» передано по-русски в зависимости от контекста в одних случаях русскими словами «замыслы», иногда – «планы», в других – «стратегия» (аргументацию в пользу такого перевода см. в примечании 9 к главе I). Словосочетание «моу гун» в контексте всего этого абзаца переводится здесь как «стратегическое нападение».

<sup>10</sup> Слово «фу» употребляется главным образом метафорически – в смысле «помощник». Считаю, однако, что здесь Сунь-цзы прибегает к образному сравнению, и поэтому беру это слово в его первоначальном значении – чека, крепление колеса у телеги. О том, что здесь – сравнение, говорят два следующих слова: «чжоу» и в особенности «си» – «плотный» и «щель». Эти понятия приложимы именно к чеке, креплению, которое может быть пригнано плотно и может разойтись так, что получится щель, промежуток.



6. Поэтому армия страдает от своего государя в трех случаях<sup>[16]</sup>:

Когда он, не зная, что армия не должна выступать, приказывает ей выступить; когда он, не зная, что армия не должна отступать, приказывает ей отступить; это означает, что он связывает армию.

Когда он, не зная, что такое армия, распространяет на управление ею те же самые начала, которыми управляется государство; тогда командиры в армии приходят в растерянность<sup>[17]</sup>.

Когда он, не зная, что такое тактика армии, руководствуется при назначении полководца теми же началами, что и в государстве; тогда командиры в армии приходят в смятение<sup>[18]</sup>.

7. Когда же армия приходит в растерянность и смятение, настигает беда от князей. Это и означает: расстроить свою армию и отдать победу противнику.

8. Поэтому знают, что победят в пяти случаях: побеждают, если знают, когда можно сражаться и когда нельзя; побеждают, когда умеют пользоваться и большими и малыми силами; побеждают там, где высшие и низшие имеют одни и те же желания; побеждают тогда, когда сами осторожны и выжидают неосторожности противника; побеждают те, у кого полководец талантлив, а государь не руководит им. Эти пять положений и есть путь знания победы.

9. Поэтому и говорится: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение.

## Глава IV Форма

1. Сунь-цзы сказал: в древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника.

Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике.

Поэтому тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить.

Поэтому и сказано: «Победу знать можно, сделать же ее нельзя».

2. Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление.

Когда обороняются, значит, есть в чем-то недостаток; когда нападают, значит, есть все в избытке.

Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубины преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес<sup>[19]</sup>.

Поэтому умеют себя сохранить и в то же время одерживают полную победу.

3. Тот, кто видит победу не более чем прочие люди, не лучший из лучших. Когда кто-либо, сражаясь, одержит победу и в Поднебесной скажут: «хорошо», это не будет лучший из лучших.

4. Когда поднимают легкое перышко<sup>11</sup>, это не считается большой силой; когда видят солнце и луну, это не считается острым зрением; когда слышат раскаты грома, это не считается тонким слухом.

Про кого в древности говорили, что он хорошо сражается, тот побеждал, когда было легко победить. Поэтому, когда хорошо сражавшийся побеждал, у него не оказывалось ни славы ума, ни подвигов мужества.

5. Поэтому, когда он сражался и побеждал, это не расходилось с его расчетами. Не расходилось с его расчетами – это значит, что все предпринятое им обязательно давало победу; он побеждал уже побежденного.

6. Поэтому тот, кто хорошо сражается, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения противника. По этой причине войско, должествующее победить, сначала побеждает, а потом ищет сражения; войско, осужденное на поражение, сначала сражается, а потом ищет победы.

7. Тот, кто хорошо ведет войну, осуществляет Путь и соблюдает Закон. Поэтому он и может управлять победой и поражением.

8. Согласно «Законам войны», первое – длина, второе – объем, третье – число, четвертое – вес, пятое – победа. Местность рождает длину, длина рождает объем, объем рождает число, число рождает вес, вес рождает победу.

---

<sup>11</sup> Словами «легкое перышко» передано китайское словосочетание «цю хао», буквально означающее «осеннее перо». Ввиду того что перья у птицы к осени отрастают и кончики их делаются тонкими и заостренными, образ «осеннее перо» стал применяться как метафора тонкого и легкого.

9. Поэтому войско, долженствующее победить, как бы исчисляет копейки рублями, а войско, обреченное на поражение, как бы исчисляет рубли копейками<sup>12</sup>.

10. Когда побеждающий сражается, это подобно скопившейся воде, с высоты тысячи саженей низвергающейся в долину. Это и есть форма<sup>13</sup>.



---

<sup>12</sup> Позволяю себе и здесь, как и во II главе, при передаче китайских мер подставить русские выражения: «и» – «рубль», «чжу» – «копейка». Сунь-цзы прибегает к таким мерам отнюдь не для обозначения точной стоимости, а исключительно для указания на соотношение. Поэтому и в переводе следует отразить именно это соотношение, причем теми же средствами, как и автор, то есть обращаясь к денежным обозначениям. Один «и» равняется 480 чжу, в старом китайском исчислении он соответствовал 20 ланам.

<sup>13</sup> Можно определить высоту, которую имеет здесь в виду Сунь-цзы: это будет около 1800 м.

## Глава V

### Мощь

1. Сунь-цзы сказал: управлять массами – все равно что управлять немногими: дело в частях и в числе<sup>[20]</sup>.

2. Вести в бой массы – все равно что вести в бой немногих: дело в форме и названии<sup>[21]</sup>.

3. То, что делает армию при встрече с противником непобедимой, – это правильный бой и маневр.

4. Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу: это есть полнота и пустота.

5. Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром. Поэтому тот, кто хорошо пускает в ход маневр, безграничен подобно небу и земле, неисчерпаем подобно Хуан-хэ и Янцзы-цзяну.

6. Кончаются и снова начинаются – таковы солнце и луна; умирают и снова нарождаются – таковы времена года. Тонов не более пяти, но изменений этих пяти тонов всех и слышать невозможно; цветов не более пяти, но изменений этих пяти цветов всех и видеть невозможно; вкусов не более пяти, но изменений этих пяти вкусов всех и ощутить невозможно. Действий в сражении всего только два – правильный бой и маневр, но изменений в правильном бое и маневре всех и исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг друга, и это подобно круговращению, у которого нет конца. Кто может их исчерпать?

7. То, что позволяет быстроте бурного потока нести на себе камни, есть ее мощь. То, что позволяет быстроте хищной птицы поразить свою жертву, есть рассчитанность удара. Поэтому у того, кто хорошо сражается, мощь – стремительна<sup>14</sup>, рассчитанность коротка.

Мощь – это как бы натягивание лука, рассчитанность удара – это как бы спуск стрелы.

8. Пусть все смешается и перемешается, и идет беспорядочная схватка, все равно прийти в расстройство не могут; пусть все клокочет и бурлит, и форма смята<sup>[22]</sup>, все равно потерпеть поражение не могут.

9. Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок – это число; храбрость и трусость – это мощь; сила и слабость – это форма.

10. Поэтому, когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за ним; когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью.

---

<sup>14</sup> Перевожу слово «сянь» русским «стремительный», исходя из толкования, даваемого этому слову Ван Чжэ: «Когда поток натывается на кручи и теснины, у него образуется мощь». Иначе говоря, он берет образ горного потока, сила и стремительность течения которого возрастает вследствие крутых каменистых берегов и тесного ложа.

11. Поэтому тот, кто хорошо сражается, ищет все в мощи, а не требует всего от людей. Поэтому он умеет выбирать людей и ставить их соответственно их мощи.

12. Тот, кто ставит людей соответственно их мощи, заставляет их идти в бой так же, как катят деревья и камни. Природа деревьев и камней такова, что, когда место ровное, они лежат спокойно; когда оно покатое, они приходят в движение; когда они четырехугольны, они лежат на месте; когда они круглы, они катятся.

13. Поэтому мощь того, кто умеет заставить других идти в бой, есть мощь человека, скатывающего круглый камень с горы в тысячу сажений.

## Глава VI

### Полнота и пустота

1. Сунь-цзы сказал: кто является на поле сражения первым и ждет противника, тот исполнен сил; кто потом является на поле сражения с запозданием и бросается в бой, тот уже утомлен. Поэтому тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой.

2. Уметь заставить противника самого прийти – это значит заманить его выгодой; уметь не дать противнику пройти – это значит сдержать его вредом. Поэтому можно утомить противника даже исполненного сил; можно заставить голодать даже сытого; можно сдвинуть с места даже прочно засевшего.

3. Выступив туда, куда он непременно направится, самому направиться туда, где он не ожидает. Тот, кто проходит тысячу миль и при этом не утомляется, проходит местами, где нет людей.

4. Напасть и при этом наверняка взять – это значит напасть на место, где он не обороняется; оборонять и при этом наверняка удержать – это значит оборонять место, на которое он не может напасть. Поэтому у того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать. Тончайшее искусство! Тончайшее искусство! – нет даже формы, чтобы его изобразить. Божественное искусство! Божественное искусство! – нет даже слов, чтобы его выразить. Поэтому он и может стать властителем судеб противника.

5. Когда идут вперед, и противник не в силах воспрепятствовать – это значит, что ударяют в его пустоту; когда отступают и противник не в силах преследовать – это значит, что быстрота такова, что он не может настигнуть<sup>[23]</sup>.

6. Поэтому, если я хочу дать бой, пусть противник и понастроит высокие редуты, нароем глубокие рвы, все равно он не сможет не вступить со мною в бой. Это потому, что я нападаю на место, которое он непременно должен спасать. Если я не хочу вступать в бой, пусть я только займу место и стану его оборонять, все равно противник не сможет вступить со мной в бой. Это потому, что я отвращаю его от того пути, куда он идет.

7. Поэтому, если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу. Нас тогда будет много, а противника мало. У того, кто умеет массой ударить на немногих, таких, кто с ним сражается, мало, и их легко победить<sup>[24]</sup>.

8. Противник не знает, где он будет сражаться. А раз он этого не знает, у него много мест, где он должен быть наготове. Если же таких мест, где он должен быть наготове, много, тех, кто со мной сражается, мало. Поэтому, если он будет наготове спереди, у него будет мало сил сзади; если он будет наготове сзади, у него будет мало сил спереди; если он будет наготове слева, у него будет мало сил справа; если он будет наготове справа, у него будет мало сил слева. Не может не быть мало сил у того, у кого нет места, где он не должен быть

наготове. Мало сил у того, кто должен быть всюду наготове; много сил у того, кто вынуждает другого быть всюду наготове.

9. Поэтому, если знаешь место боя и день боя, можешь наступать и за тысячу миль. Если же не знаешь места боя, не знаешь и дня боя, не сможешь левой стороной защитить правую, не сможешь правой стороной защитить левую, не сможешь передней стороной защитить заднюю, не сможешь задней стороной защитить переднюю. Тем более это так при большом расстоянии – в несколько десятков миль, и при близком расстоянии – в несколько миль.

10. Если рассуждать так, как я, то пусть у юэсцев<sup>[25]</sup> войск и много, что это может им дать для победы?<sup>15</sup> Поэтому и сказано: «победу сделать можно». Пусть войск у противника и будет много, можно не дать ему возможности вступить в бой.

11. Поэтому, оценивая противника, узнают его план с его достоинствами и его ошибками<sup>16</sup>; воздействуя на противника, узнают законы, управляющие его движением и покоем; показывая ему ту или иную форму, узнают место его жизни и смерти<sup>[26]</sup>; столкнувшись с ним, узнают, где у него избыток и где недостаток.

12. Поэтому предел в придании своему войску формы – это достигнуть того, чтобы формы не было. Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрый не сможет о чем-либо судить. Пользуясь этой формой, он возлагает дело победы на массу, но масса этого знать не может. Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу. Поэтому победа в бою не повторяется в том же виде, она соответствует неисчерпаемости самой формы.

13. Форма у войска подобна воде: форма у воды – избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска – избегать полноты и ударять по пустоте. Вода устанавливает свое течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника.

---

<sup>15</sup> Перевожу сочетание «шэнбай» одним словом «победа», так как считаю, что это одно сложное слово, образованное, как это часто бывает, из двух противоположных понятий для обозначения третьего. Беру из этих двух слов слово «победа» потому, что в русском обычно такое положительное понятие берется в качестве обобщающего два противоположных.

<sup>16</sup> Перевожу выражения «дэши», «дунцин» и «сышэн» двумя словами «достоинства и ошибки», «движение и покой», «жизнь и смерть» отчасти по стилистическим соображениям: те три фразы, в которые эти выражения входят, составляют одно целое вместе с четвертой. Там же на соответствующем месте стоит параллельное выражение «избыток и недостаток», явно состоящее из двух самостоятельных слов.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.



## Примечания

### 1.

В комментаторской литературе существуют большие разногласия по вопросу о понимании слова «цзин». Ду Му предлагает значение «измерять». Такое толкование может быть поддержано особым, а именно техническим значением этого слова, применяемым в строительном деле; в этой области «цзин» означает: производить обмер участка, предназначенного для постройки. Поскольку такой обмер представлял первое действие строителя, то это слово получило более общий смысл: делать предварительный расчет в начале какого-либо предприятия вообще. В пользу такого понимания «цзин» говорит также возможное сопоставление этого слова со стоящим несколько дальше «цзяо», имеющим смысл «взвешивать», в дальнейшем – «сопоставлять». Поскольку «цзяо» может считаться параллельным «цзин», постольку выходит, что слово «цзин» правильное всего перевести соотносительно слову «взвешивать» словом «измерять».

### 2.

Выражение «ши чжи» можно понять двояко – в зависимости от того, какой смысл придать слову «чжи». Если понять его в том значении, в котором оно выступает в сложном слове «чжиду» – «порядок», строй, «система» и т. п., выражение «шичжи» будет означать «порядок времени», «законы времени» и т. п. Возможно понять «чжи» и в духе русского глагольного имени – «распоряжение», «управление», поскольку «чжи» может иметь и глагольное значение – «распоряжаться», «управлять». Так понимает это слово Мэй Яо-чэнь, который перефразирует выражение «шичжи» так: «справляться с этим своевременно», в нужный, подходящий момент. В трактате Сыма Фа есть выражение, очень близкое по смыслу к этому месту Сунь-цзы: – «следовать за небом (т. е. за погодой. – Н. К.) и соблюдать время». Лю Инь, объясняя это место, дает парафраз Сунь-цзы: [...] (Так здесь и далее в тексте обозначаются древнекитайские иероглифы. (Примеч. ред.)), то есть «это (т. е. данное выражение Сыма Фа. – Н. К.) есть то, о чем говорится (у Сунь-цзы словами. – Н. К.): «мрак и свет, холод и жара... справляться с этим своевременно»). Кстати, этот парафраз Лю Иня выясняет, какое дополнение подразумевается при глаголе «чжи»: слово «чжи», несомненно, относится к предыдущему, то есть к словам «мрак и свет, холод и жара». При таком толковании общая мысль Сунь-цзы может быть пересказана следующим образом: «Небо» – это атмосферические, климатические, метеорологические условия, время года, состояние погоды. С точки зрения ведения войны важно уметь приспособливаться к погоде и выбирать подходящий момент.

### 3.

Мне очень хотелось в русском переводе передать выражения [...] каждое одним русским словом: «расстояние», «рельеф», «размер». Несомненно, что реально эти выражения это и означают. Но здесь меня остановило чисто филологическое соображение. Перевести так можно было бы в том случае, если бы эти выражения являлись отдельными словами. Мне кажется, для автора текста они были словосочетаниями. На такое заключение наталкивает последующее выражение [...], которое во всем трактате Сунь-цзы никогда не употребляется иначе, как сочетание двух самостоятельных слов. Впоследствии и оно стало одним словом «жизнь» – в том смысле, в котором мы употребляем это слово в таких фразах, как «это – вопрос жизни», то есть где одним словом «жизнь» разом обозначаются понятия «жизнь» и «смерть» (ср. аналогичное русское слово «здоровье», покрывающее понятия «здоровья» и «болезни»). Но, повторяю, у Сунь-цзы это все еще два самостоятельных понятия. А раз так, то по законам параллелизма и согласно общему контексту приходится считать, что и первые три выражения представляются словосочетаниями.

## 4.

Перевожу выражение [...] словом «войско», считая, что переводить каждый иероглиф в отдельности («бин» – строевой состав, «чжун» – нестроевой состав) не следует, так как, вероятнее всего, в данном случае мы имеем по-китайски одно слово, передающее общее понятие «войска» – во всем его составе.

## 5.

Согласно общепринятому преданию, Сунь-цзы написал свой трактат для князя Холюя, на службе у которого он находился. Ввиду этого эти слова могут рассматриваться как прямое обращение к князю, приглашение принять методы, рекомендуемые им, и попробовать применить их на практике, причем автор считает возможным заявить, что в случае надлежащего понимания и применения его методов победа обеспечена. С целью же большего воздействия на князя Сунь-цзы прибегает к своего рода угрозе: он предупреждает, что, если князь не воспользуется его советами, он от него уйдет, перейдет на службу к другому князю и таким образом лишит князя своей помощи.

## 6.

Предлагаю для очень трудного слова «цюань» в данном тексте русское «тактика», «тактический маневр», «тактический прием». Соображения, заставившие меня выбрать такой перевод, приведены в комментарии к этому месту текста, так что повторять их здесь излишне. Укажу только попутно на то, что русское слово «стратегия» я предлагаю для перевода – по крайней мере, в древних военных текстах – китайского слова «моу». Только при таком переводе это слово получает вполне реальный смысл, делающий удобным и простым перевод таких словосочетаний, как, например, названия глав в трактате Вэй Ляо-цзи (гл. V и гл. VI) – «тактика наступления» и «тактика обороны». При таком переводе эти заглавия вполне точно передают содержание глав. В пользу этого перевода говорит и обычное обозначение военных теоретиков и писателей – «Цюаньмоуцзя». Так они называются в «Ханьской истории», в отделе «Ивэнь-чжи»: «военные стратеги». «Цюаньмоуцзя» соответствует в точности русскому «стратегия», поскольку у нас понятие «стратегия» в широком смысле объединяет оба понятия – «стратегию» и «тактику», а под «стратегом» понимают и стратега в узком смысле слова и тактика; и исторически слово «стратег», которым называли и полководца, и теоретика военного дела в Древней Греции, в точности соответствует тем лицам, о которых говорят отделы «Цюаньмоу-цзя» в китайских династийных историях. Само собой разумеется, что в настоящее время для этих понятий – стратегия и тактика – в китайском языке существуют совершенно другие слова.

## 7.

Выражение «мяосуань» имеет вполне конкретный смысл. В эпоху Сунь-цзы храм предков – «мяо», находившийся на дворцовой территории, обычно в восточной части ее, являлся помещением для важнейших собраний советников правителя. Это был, так сказать, «зал совета». Естественно, что перед войной здесь устраивался военный совет, на котором взвешивались все шансы войны и вырабатывался план действий. Поэтому выражение «мяосуань» имеет смысл «план войны, принятый на военном совете», до ее начала, то есть предварительный план войны. Однако, поскольку на дворцовом совете обсуждали не только вопросы войны, выражение «мяосуань» имело общее значение – всякого предварительного плана, выработанного на совете; в дальнейшем же это слово стало означать план или расчет, выработанный на основании предварительного размышления или обсуждения, то есть вообще предварительный расчет.

**8.**

Термины «чичэ» и «гэчэ», представляющие наименования различных видов колесниц, употреблявшихся в древней китайской армии, вызывают несколько разноречивые толкования. Цао-гун и Мэй В Яо-чэнь определяют первый как «легкие колесницы», второй как «тяжелые колесницы». Ли Цюань называет первые «боевыми колесницами», вторые – «легкими колесницами». Ду Му понимает так: «легкие колесницы» – это боевые колесницы, на которых в древности вели бой; что же касается «гэчэ», то это, по его мнению, обозные, тяжелые колесницы, на которых перевозили оружие, вещи и снаряжение. Чжан Юй истолковывает эти термины по-иному: первые – это, по его мнению, колесницы для нападения, вторые – для обороны. Таким образом, совершенно ясно значение первого термина – «чичэ»: это колесницы, предназначенные для боя; их называют то «легкими колесницами», то «боевыми колесницами», то «наступательными колесницами». Сомнение вызывает второй термин: боевые ли это колесницы или только обозные фургоны? Ду Му считает их именно последними, но Чжан Юй полагает, что они являются также боевыми колесницами, только предназначенными для обороны. Другие комментаторы, не объясняя их назначения, называют их «тяжелыми колесницами». Однако Ли Цюань неожиданно именно к ним прилагает термин «легкие колесницы», противопоставляя их «боевым колесницам», в то время как Ду Му именно «боевыми колесницами» называет только «легкие».

**9.**

Комментаторы пробуют определять, чему равнялась та тысяча миль, о которой говорит Сунь-цзы, в мерах их времени. Если взять самого близкого к нам по времени комментатора (из старых, конечно), который затрагивает этот вопрос, – Сорай, то он исчисляет один чжоуский фут в 7,2 японских дюйма его времени, 8 чжоуских футов составляют 1 сажень, то есть 5 футов и 7,6 дюйма японских; одна миля равна 300 сажням, то есть 172 сажени и 8 футов японских, иначе 4 те и 48 кэн, 1000 миль, таким образом, равна 4800 японских те, то есть несколько более 133 японских миль. В переводе на европейские меры это будет около 450 км. Считаясь с тем, что чжоуский фут был в эпоху Чжоу не везде одинаков, Сорай допускает колебание этой цифры от 100 до 133 японских миль, то есть приблизительно от 350 до 450 км (Сорай, цит. соч., с. 30). Впрочем, как об этом говорилось и в комментарии, вряд ли есть какая-нибудь надобность в этих точных вычислениях: текст Сунь-цзы не следует понимать в данном случае буквально, а принимать его выражение «1000 миль» за общее обозначение далекого расстояния.

**10.**

О слове «князь» здесь и всюду ниже см. примечания к главе II.

**11.**

Слово «чжун-юань» я перевожу здесь русским «страна». Собственно говоря, этим словом обозначалась центральная равнинная часть территории Китая, расположенная по течению Хуанхэ, особенно земли, составляющие ныне провинции Шаньдун и Хэнань. Некоторые комментаторы так и считают, прибегая в связи с этим к крайне искусственному толкованию этого места трактата, как это делает, например, Сорай. Основой такого их толкования служит соображение, что Сунь-цзы, находившийся в княжестве У, не мог назвать так территорию своего княжества: оно было расположено к югу от Янцзы-цзяна по нижнему течению этой реки. Однако не нужно забывать, что это же слово получило значение «страны» вообще. Поэтому вполне возможно, что в таком смысле оно и здесь употреблено.

**12.**

Выражение «цюню» одни понимали как «волы, поставляемые сельскими общинами», другие – как «большие волы», основываясь на том, что слово «цю» может значить «большой». Я ставлю по-русски просто слово «волы», считая в то же время, что предыдущий текст совершенно ясно указывает, что здесь речь идет о волах, поставляемых общинами. Оснований для того, чтобы считать слово «цю» в сочетаниях «цюи» и «цюню» различным по смыслу, нет никаких, тем более что речь все время идет об одном и том же. Кроме того, нигде во всем трактате нет ни одного случая употребления иероглифа «цю» в значении «большой». Поэтому толкование Ли Цюаня, к которому с некоторыми оговорками присоединяется и Сорай, должно быть безусловно отвергнуто.

**13.**

Я позволил себе на место китайских «чжун» и «дань» поставить русские «фунт» и «пуд». Конечно, это не соответствует действительным весовым соотношениям этих мер. Кроме того, китайские «чжун» и «дань» – меры сыпучих тел, а не веса, и по-русски следовало бы взять что-либо вроде «четверти» и «гарнца». Но дело здесь не в точных мерах. Сунь-цзы просто указывает на то, что известное количество провианта и фуража, полученное на месте, по своему значению во много раз превышает то же количество, доставляемое издалека, или, иначе говоря, экономически гораздо выгоднее получить то, что нужно, на месте, чем возить издалека. Так как в данной фразе Сунь-цзы единственно важна именно эта мысль, я и позволил себе, чтобы сразу сделать ее ясной для русского читателя, на место ничего не говорящих русскому слуху названий древних китайских мер подставить знакомые русские слова. О реальной величине «чжун» и «дань» сведения дают все комментаторы. Кода в переводе на современные японские меры исчисляет один чжун в шесть коку и четыре то, один дань – в 20 коку (Кода, Оба, цит. соч., с. 81). Это составляет 32,7 бушеля (1 чжун) и 99,2 бушеля (1 дань).

**14.**

Сорай дает совершенно иное толкование этому месту II главы. По его мнению, Сунь-цзы здесь говорит о том, чтобы передать отнятые от противника колесницы самим же сдавшимся неприятельским воинам, именно тем, кто первыми изъявил покорность. Иначе говоря, Сорай предполагает, что захват колесниц противника происходит путем сдачи воинов противника. Таким образом, можно воздействовать на психологию сдавшихся и привлечь их на свою сторону, а с другой – подействовать и на прочих, побуждая их к сдаче. Однако на всякий случай следует принимать и некоторые меры предосторожности, а именно: на колесницах попеременно со сдавшимися следует рассадить и своих воинов или же сдавшихся раньше и уже проверенных, рассадить так, чтобы из троих воинов, составлявших команду колесницы, один или двое были вполне надежными.

**15.**

Считаю возможным дать русские наименования «взвод», «батальон» и т. д. на том основании, что относительно, с точки зрения последовательности войсковых подразделений, эти наименования соответствуют китайским. В китайской армии – по данным Чжоу Ли – в период Чжоу самым мелким подразделением была пятерка (кит.«У»), к ней я прилагаю русское название «взвод»; соединение из пяти взводов, то есть 25 человек, составляло следующую единицу, переводимую словом «рота» (кит.«лян») далее идет батальон – соединение из четырех рот, 100 человек (кит.«цзу»); затем бригада (кит.«люй») – соединение из пяти батальонов, то есть 500 человек; далее идет дивизия (кит.«си») – соединение пяти бригад, то есть 2500 человек; пять дивизий, то есть 12 500

человек, составляли армию (кит. цзюнь). Однако самым крупным соединением во время похода были «три армии», то есть войсковая группа в 37 500 человек, в которой одна армия, располагающаяся впереди, получала значение авангардной, другая, которая располагалась в центре и при которой находился главнокомандующий, называлась центральной, а третья, прикрывающая тыл, была армией арьергарда. В переводе к такой группе я также прилагаю русское слово «армия», так как, несомненно, китайское «сань цзюнь» – три армии – понималось как армия в широком смысле слова. Это были те силы, которые, по чжоускому праву, могло иметь так называемое «большое государство», то есть с правителем с титулом «гун» или «хоу»; «средние государства», с правителем с титулом «бо», имели только две армии, то есть 25 000 человек; «малые государства», с правителем с титулом «цзы» или «нань», могли иметь только одну армию, то есть 12 000 человек. Сам же чжоуский ван имел шесть армий, то есть 75 000 человек. Поэтому несомненно, что все эти названия – «лю цзюнь», «сань цзюнь», «лянь цзюнь» и «цзюнь» – имели значение «армии» в широком смысле слова.

#### 16.

Фраза, представляющая большие грамматические трудности. По-видимому, это чувствовали и старые китайские читатели Сунь-цзы, так как в некоторых изданиях слова «государь» (цзюнь) и «армия» (цзюнь) переставлены одно на место другого (ср. Сорай, цит. соч., с. 59). Несомненно, что при такой перестановке понимание этой фразы облегчается, это более привычная грамматическая форма выражения мысли – «таких вещей, в которых в армии проявляется бедствие по вине государя, три». Однако особенность китайской грамматической формы в этом месте не имеет значения: смысл в обоих случаях будет один и тот же.

#### 17.

Сорай дает совершенно иное толкование этой фразе. Он считает, что здесь речь идет о введении в управление армией на равных правах с полководцем «инспектора армии» (цзяньцзюнь), которому поручалось наблюдение за армией и особенно за полководцем. Сорай указывает, что правители часто не доверяли полководцам и опасались всяких неожиданностей с их стороны, почему и назначали особых инспекторов из числа своих приближенных, пользующихся полным доверием. Помимо двоевластия, получающегося в армии вследствие наличия такого инспектора, по мнению Сорая, возникает и тот вред, что такой инспектор, как правило, не знал военного дела и не мог участвовать в руководстве армией. Отсюда и «растерянность в армии» (Сорай, цит. соч., с. 60–61).

#### 18.

Чжан Юй иначе понимает это место. Ему кажется, что Сунь-цзы имел здесь в виду назначение в армию, помимо командующего, еще особого «инспектора армии» (цзяньцзюнь), как это звание стало называться в позднейшие времена. Короче говоря, Чжан Юй понимает это место так же, как Сорай понимает предыдущее. Некоторые основания у него имеются: это наличие слова «жэнь» – «назначение», отправляясь от которого можно прийти при желании и к такому пониманию, тем более что назначение инспекторов, по-видимому, широко практиковалось, особенно в более поздние времена.

#### 19.

Словами «глубины преисподней» и «высота небес» переведены китайские «цзю ди» и «цзю тянь», буквально «девятая земля» и «девятое небо». Само собой разумеется, что эти понятия

в определенной области имели конкретное значение, и притом различное в зависимости от сферы приложения. Так, например, по версии, передаваемой Чэнь Хао, выражением [...] – «верх девятого неба» – обозначался «день тигра» в третьей луне весны, «день лошади» в третьей луне лета и «день обезьяны» в третью луну осени, а также «день крысы» в третью луну зимы; «низом девятой земли» ([...]) называли «день обезьяны» третьей луны весны, «день крысы» третьей луны лета, «день тигра» третьей луны осени и «день лошади» третьей луны зимы. Есть и другие значения, свидетельствующие о том, что эти выражения играли роль терминов из области циклического счета времени. Однако в общем языке эти слова употреблялись как метафоры. Путь к такому употреблению открывался самым буквальным их значением – «девятая земля» и «девятое небо». Это ассоциировалось с представлениями о девяти кругах подземного мира и о девяти сферах небес. Поскольку же число девять, как это отражено в И-цзине, считалось в определенной системе пределом числа, понятие «девятая земля» означало «самые глубины преисподней», понятие «девятое небо» – «самая высшая сфера небес». Поэтому я и счел себя вправе в переводе взять именно эти русские выражения, как вполне соответствующие китайским «цзю ди» и «цзю тянь» в их метафорическом применении.

## 20.

Так как для Сунь-цзы в этом месте важна не конкретная картина боевого расписания армии, а лишь принцип такового, я и ограничился приведением в комментарии лишь одной формы такой организации армии, самой типичной. Но что такая система подразделений была далеко не единственной, свидетельствуют другие трактаты по военному искусству. Так, например, Вэй Ляо-цзы упоминает о несколько иной системе подразделений: пятерка (у), или взвод, десяток (ши); пять десятков составляли роту (шу), две роты, то есть 100 человек, – батальон (люй) (Вэй Ляо-цзы, гл. XIV, с. 42). В Ханьскую эпоху была другая система подразделений; о ней упоминает в своих комментариях Чжан Юй: сначала также была пятерка (ле), далее шел десяток (хо), затем – полусотня (дуй); две полусотни составляли сотню (гуань), две сотни составляли батальон (цуй), два батальона, то есть 400 человек, составляли полк (бу), два полка, то есть 800 человек, составляли бригаду (цзяо), две бригады, то есть 1600 человек, – дивизию (бэй), две дивизии, то есть 3200 человек, – армию (цзюнь).

## 21.

Понимание выражения «син мин» в смысле «построение», как это развито в предложенном комментарии, основано на толковании, данном Ду Му. Согласно Ду Му, слово «син» – «форма» означает «форму расположения», слово «мин» – «значки и знамена», то есть обозначения расположений. Как известно, в китайской армии именно таким способом обозначали каждую часть в общей системе боевого порядка, так что авангард имел свое специальное знамя, правый фланг свое и т. д. Поэтому названия знамен тем самым являлись и названиями частей. В трактате У-цзы указывается, что авангард обозначался знаменем с изображением красного коршуна, арьергард – знаменем с изображением черной черепахи, левофланговые части – знаменем синего дракона, правофланговые – знаменем белого тигра (У-цзы, III, 7).

## 22.

Останавливаюсь на таком понимании этой фразы Сунь-цзы, так как считаю, что она должна стоять в непосредственной связи со всем предыдущим рассуждением. Поэтому толкую слово «юань» – «круглый» – в том смысле, в каком его понимают Ли Цюань и Хэ Янь-си. Ли Цюань считает, что слово «круглый» употреблено у Сунь-цзы в смысле «не имеющий ни передней, ни задней стороны», то есть лишенный всякой формы. Хэ Янь-си также

считает, что «круглый» имеет смысл «отсутствие правильных рядов», то есть боевого порядка. Полагаю, что это толкование более правильно, чем все другие, так как понятие «круглый» в приложении к боевому построению древней китайской армии, несомненно, могло быть синонимом «расстроенный». Все формы построения, начиная от построения первоначального звена – взвода и кончая армией в целом, были четырехугольными. Солдаты строились рядами, то есть прямыми линиями, эти шеренги располагались одна за другой, так что все было основано на принципе четырехугольника. Таким образом, «округление» построения означало нарушение этой четырехугольной формы, то есть расстройство боевого порядка. Поэтому никак не могу согласиться с мнением Мэй Яо-чэня, Сорая и некоторых других комментаторов, считающих, что слово «круглый» в данном случае употреблено Сунь-цзы в смысле «подвижный». При таком понимании неизбежно толковать и образное выражение: «хуньхунь-хуньхунь» в подобном же смысле. Так и делает Ду Ю, который считает, что эти образы бурно мчащейся воды говорят о быстром и стремительном беге колесниц. Не могу согласиться с этим толкованием, так как считаю, что это образное выражение является строго параллельным образному выражению «фыньфынь-юньюнь» в первой фразе. Если то выражение, как это единодушно понимают все комментаторы, имеет смысл «смешаться», «перепутаться», то в условиях параллелизма обеих фраз и полного совпадения всех их элементов и это образное выражение не может иметь, так сказать, «положительного» смысла, оно так же, как и первое, должно указывать на признак какой-то дезорганизованности. Первая фраза, не вызывающая ни в ком сомнения, построена так: образное выражение, рисующее дезорганизованность, затем слова, определяющие эту дезорганизованность в точных выражениях, затем переходно-противопоставительное служебное слово и, наконец, основное сказуемое в форме отрицательной: «расстроить (такую армию) невозможно». Форма второй фразы абсолютно такая же; поэтому, если конечное сказуемое там будет «разбить ее невозможно» и если перед этим сказуемым стоит то же служебное слово, с неизбежностью вытекает, что и первая половина этой фразы, состоящая из образного выражения и двух терминов, должна быть чем-то противопоставляемым второй половине, то есть тем же самым, чем по отношению ко второй половине является первая половина первой фразы. Таковы формальные основания моего перевода. Реальные же основания взяты из общего контекста всей этой главы и видны из комментария.

### 23.

Останавливаюсь на том понимании этого места, которое изложено в комментарии, следуя толкованию Сорая (цит. соч., с. 120–122). В самом деле, Сорай совершенно прав, когда отвергает примитивное понимание этой фразы, будто бы Сунь-цзы говорит здесь о том, что отступающий идет так быстро, что его не могут даже догнать. Сорай рассуждает так: «Пусть полководец и обладает искусством скорохода, но его офицеры и солдаты – обыкновенные люди. Быстрота ходьбы у своих солдат и у солдат противника одинакова. Поэтому речь идет не о быстроте хождения», а о быстроте и неожиданности для противника самого отступления. Сорай удачно отводит и толкование Ду Му, который считает, что обе фразы Сунь-цзы следует объединить в одну, так что получается такой смысл: когда при наступлении противник не может устоять, это объясняется тем, что ему нанесен удар по его «пустоте», то есть по самому уязвимому месту. И тогда разбитый и обессиленный противник, естественно, не в состоянии броситься в погоню за победителем, повернувшим назад.

### 24.

Перевожу китайское «йю» русским «мало», следуя большинству комментаторов (Ду Ю, Ду Му, Хэ Янь-си, Мэй Яо-Чэнь), считающих, что это слово равно по смыслу слову «шао». При переводе получается как будто тавтология: естественно, что если я нападаю на немногих, то сражающихся со мной мало. По-видимому, это обстоятельство заставляет Чжан Юя относить это слово не к противнику, а к себе. Он говорит: «Когда с многочисленным и сильным войском ударяют на немногочисленное и слабое войско противника, затрачивать сил для победы приходится мало, а результат получается большой». Но это толкование (вполне правильное по существу) заставляет относить слово «йю» к себе, а не к противнику. Однако это грамматически невозможно, так как из конструкции ясно, что оно является сказуемым к предыдущему словосочетанию с «чжэ», под чем разумеется «тот, кто со мной сражается», то есть противник. Сорай толкует это слово в смысле «важный пункт» у противника, пункт, имеющий для него существенное значение. Но и это толкование должно быть отвергнуто по той же грамматической причине: в таком понимании это слово не может служить сказуемым к «чжэ». Наиболее правильно, как мне кажется, толкует это слово Ду Ю, который считает, что оно охватывает смысл двух слов: «шао» и «и шэн», то есть «мало» и «легко победить». На этом толковании я и остановился.

## 25.

Существует мнение, на которое ссылается Сорай, что выражение «юэжень» следует понимать не как «юэсцы» – жители княжества Юэ, а как словосочетание «превосходить других людей». Однако все комментаторы единогласно принимают это выражение за название жителей и видят в этом месте трактата отражение той конкретной исторической обстановки, в которой он был создан. Считают, что Сунь-цзы написал свой трактат для князя Холюя, у которого он находился на службе. Княжество У тогда состояло в войне с соседним княжеством Юэ. Поэтому в этой фразе «у» толкуется как самообозначение автора трактата, то есть Сунь-цзы.

## 26.

Чэнь Хао, Мэн-ши, Цзя Линь и Мэй Яо-чэнь понимают это место совершенно иначе. Они относят слово «форма» («син») к противнику, и, таким образом, вся фраза Сунь-цзы толкуется, говоря словами Мэй Яо-чэня, так: «Место жизни и смерти противника я вижу и узнаю по его форме». Не могу присоединиться к этому толкованию по двум соображениям. Во-первых, совершенно такое же словосочетание «синчжи» уже раз встретилось у Сунь-цзы – в главе V, в словах «когда тот, кто умеет заставить противника двинуться, показывает ему свою определенную форму, противник обязательно идет за ним». Там смысл этого словосочетания не вызывает никаких сомнений. Зачем же здесь придавать ему новое и грамматически очень натянутое значение? Во-вторых, общий контекст этого слова и в особенности этого раздела имеет в виду не пассивное состояние ведущего войну, а его активные мероприятия. Всюду речь идет о выяснении «пустого» и «полного» у противника, и выяснении именно не путем наблюдения, а посредством действий: умения пользоваться «полным» и «пустым» у себя. В этом весь смысл, все содержание главы. Таким образом, уже по этому одному толкование указанных комментаторов не может быть принято.